

ТЕОРИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПРЕФИКСАЦИИ, АКТАНТНАЯ СТРУКТУРА И АСИММЕТРИЧНОЕ СЛЕДОВАНИЕ¹

С.Г. Татевосов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; tatevosov@gmail.com

Аннотация: В статье предлагается несколько обобщений о семантике лексических префиксов в русском языке и обсуждаются их теоретические следствия. Лексические префиксы — один из двух основных классов славянских префиксов, которые эксплицитно выделяются в литературе начиная с [Babko-Malaya 1999]. Обобщения, излагаемые в статье, опираются на данные об отношении асимметричного логического следования, связывающего префиксальные и беспрефиксальные конфигурации, и соотносят валентность префикса и тип его интерпретации. Мы предполагаем, что глагольные группы, создаваемые глаголами с лексическими префиксами, описывают отношение между событиями и результирующими состояниями. Префиксы имеют собственную актантную структуру и подразделяются на одновалентные и двухвалентные. Одновалентные префиксы обозначают результирующее состояние непосредственно. Двухвалентные префиксы имеют пространственно-направительную интерпретацию и описывают отношение между фигурой и фоном. Это отношение далее интерпретируется как результирующее состояние. Их соединение с глагольной основой подчиняется регулярным правилам семантической композиции. Дополнительно могут задействоваться семантические операции из очень ограниченного репертуара, в частности каузативный сдвиг или экзистенциальное закрытие. Каузативный сдвиг преобразует дескрипцию результирующих состояний в отношении между состояниями и каузирующими их событиями. Экзистенциальное закрытие связывает квантором существования исходный актант глагольной основы. Затем проекция префикса и подвергшаяся экзистенциальному закрытию основа соединяются с помощью правила композиции, известного как идентификация событий. На событийный компонент отношения между каузирующими событиями и результирующими состояниями накладывается дополнительное условие, а именно: события, составляющие этот компонент, должны удовлетворять предикату, обозначаемому основой.

Ключевые слова: префиксация; актантная структура; структура события

¹ Автор глубоко признателен Р. Шимику и Б. Герке, а также рецензентам «Вестника Московского университета» за обсуждение и комментарии.

Финансирование: Исследование поддержано грантом РФФ 22-18-00285, реализуемым в МГУ имени М.В. Ломоносова.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-2

Для цитирования: *Татевозов С.Г. Теория лексической префиксации, актантная структура и асимметричное следование // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 23–44.*

A THEORY OF LEXICAL PREFIXATION, ARGUMENT STRUCTURE AND ASYMMETRIC ENTAILMENT

Sergei Tatevosov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tatevosov@gmail.com

Abstract: The article offers a few generalizations about the meaning of lexical prefixes in Russian and addresses their theoretical implications. Lexical prefixes are one of the two main classes of Slavic prefixes, which have been explicitly identified in the literature at least since [Babko-Malaya 1999]. The generalizations, which are based on the data on asymmetric entailment from prefixed to prefixless configurations, connect the argument structure of a lexical prefix to the type of its interpretation. I assume that the verb phrase projected by a verb with a lexical prefix denotes a relation between events and result states. Prefixes possess argument structure and fall into two types, monadic and dyadic, depending on the number of their individual arguments. Monadic prefixes denote result states directly. Dyadic prefixes describe a spatial relation between Figure and Ground. This relation is further identified as the result state of an eventuality denoted by the verb stem. Combining the projection of a prefix with the verb stem is subject to regular rules of semantic composition. Additionally, semantic operations from a very limited repertoire can be utilized, in particular, causative shift and existential closure. Causative shift takes a description of result states and makes a relation between states and causing events out of it. Existential closure binds the internal argument of the verb stem and outputs a predicate of events. After existential closure, the stem and the projection of a prefix are put together by the rule of construal known as event identification.

Keywords: prefixation; argument structure; event structure

Funding: The research is supported by the Russian Science Foundation, grant number 22-18-00285, realized at the Lomonosov Moscow State University.

For citation: Tatevosov S.G. (2024) A Theory of Lexical Prefixation, Argument Structure and Symmetric Entailment. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 23–44.

1. Лексические префиксы и результирующие состояния

Лексические префиксы — один из двух основных классов славянских префиксов, которые эксплицитно выделяются в литературе начиная с [Babko-Malaya 1999]. Эти классы показаны в (1):

(1) Лексические и супралексические префиксы

- а. Супралексические: инцептивный *за-* (*запеть*), терминативный *от-* (*отмучиться*), комплетивный *до-* (*дозаписать*), делимитативный *по-* (*подежурить*), пердуративный *про-* (*прождать*), репетитивный *пере-* (*перезаписать*), аттенуативные *при-* и *под-* (*призадуматься* и *подустать*), дистрибутивные *пере-* и *по-* (*перестрелять*, *побросать (камни в воду)*), кумулятивный *на-* (*надарить (кучу подарков)*).
- б. Лексические: все остальные префиксы, в том числе перечисленные в (1а) в других «значениях».

Опознать супралексические префиксы можно по нескольким свойствам: они семантически композициональны; при супралексической префиксации состав и семантические роли актантов не меняются; если в основе имеются и лексический префикс и супралексический, первый располагается ближе к корню, а второй — на левой периферии основы. За подробностями мы отсылаем читателя к [Татевосов 2009; Татевосов 2013].

Последующее изложение касается лексических префиксов, то есть префиксов, не являющихся супралексическими. Несколько таких префиксов в комбинации с основой *писа-* показано в (2).

(2) Лексическая префиксация

- в-писать* (новый пункт в договор)
- вы-писать* (цитату из книги)
- за-писать* (разговор, лекцию, кассету)
- ис-писать* (ручку; тетрадь стихами)
- над-писать* (книгу)
- на-писать* (письмо)
- о-писать* (сцену преступления, новый вид растений)
- под-писать* (договор)
- с-писать* (предложение с доски)

...

С семантической точки зрения лексические префиксы образуют, по-видимому, естественный класс, принадлежность к которому определяется свойством (3).

(3) Обобщение о семантике глагольных групп с лексическими префиксами

Глагольные группы, создаваемые глаголами с лексическими префиксами, описывают отношение между событиями и результирующими состояниями.

В более формальных терминах (3) можно сформулировать как (4). (4) представляет собой анализ, использующий метаязык семантики событий ([Davidson 1967] и последующая литература).

- (4) **Глагольная группа, проецируемая глаголом *написать* с лексическим префиксом *на-***
 $\| [_{VP} \text{ на-писа- письмо}] \| = \lambda s. \lambda e. \text{write}(\text{letter})(e) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge \text{na}(\text{letter})(s)$
s — переменная, пробегающая по состояниям;
e — переменная, пробегающая по (динамическим) событиям;
write — отношение между индивидами и событиями;
na — отношение между индивидами и состояниями;
cause — отношение (непосредственной) каузации;
именная группа *письмо* для простоты анализируется как индивидная константа.

Согласно (4), глагольная группа вида *написа- письмо* обозначает отношение между событиями *e* и *s* такое, что письмо подвергается написанию в событии *e* и в результате вступает в состояние ‘быть написанным’.

(3)–(4) дополняются гипотезой в (5), идентифицирующей источник результирующего состояния — префикс.

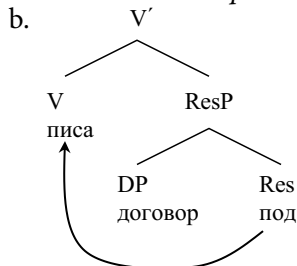
(5) **Обобщение о семантике лексического префикса**

Результирующее состояние — семантический вклад лексического префикса.

Эмпирическое обоснование (4)–(5), предложенное, например, в [Татевосов 2015, 2016], опирается на многочисленные факты, показывающие, что только в префиксальной конфигурации два подсобытия могут участвовать в разнообразных семантических событиях относительно независимо друг от друга.

Переходя от семантической стороны лексической префиксации к морфосинтаксической, в качестве отправной точки мы используем анализ в (6), наиболее распространенный в формальной литературе.

(6) а. *подписа- договор*

В (6) подходе префикс рассматривается как отдельная синтаксическая вершина. Она возглавляет составляющую, которая присоединяется как комплемент глагольной вершины V (или составляю-

щую внутри такой составляющей). Обычно ее обозначают как R (от *result*), а ее фразовую проекцию — как RP. Фонологически корректная цепочка /подписа-/ получается в результате операции, известной как передвижение вершины (в (6) показана стрелкой). Ниже в разделе 4 мы покажем, что (6) описывает лишь одну, хотя и самую пространственную, группу префиксов. Для анализа другой мы будем предполагать более разветвленную структуру составляющей ResP.

В дальнейшем мы примем антилексикалистский взгляд на морфологию («аффиксы — элементы синтаксической деривации») без дополнительного обсуждения. С точки зрения композициональной семантики этот взгляд дает одно безусловное преимущество: правила семантической интерпретации синтаксических структур известны заранее, их относительно немного, и они всегда одни и те же. В прочих отношениях, мы надеемся, сказанное ниже совместимо с широким диапазоном альтернативных допущений об устройстве лексически префигированных глаголов.

В следующих разделах мы сосредоточимся на одной из самых существенных характеристик глаголов с лексическими префиксами — их актантной структуре, которая как известно, при лексической префиксации может претерпевать серьезные изменения. Наша задача — попытаться построить несколько более систематическую картину имеющихся возможностей, чем обычно можно найти в литературе по предмету.

Материалом для наблюдений и обобщений будут преимущественно переходные глагольные основы в комбинации с лексическим префиксом. Распространение сказанного на одноместные глагольные основы — более техническая, чем содержательная задача. Подробные наблюдения о поведении основ разных классов, в том числе неэргативов и неаккузативов, можно найти в [Romanova 2006].

2. Валентности глагола и валентности префикса²

Мы исходим из предположения, что семантика глагольной основы выглядит так, как показано в (7).

(7) Семантика глагольной основы

|| писа- || = $\lambda x.\lambda e.write(x)(e)$

В (7) основа имеет два аргумента — индивидный и событийный. Мы исходим из того, что внутренний аргумент не вводится тематическим отношением типа пациенс; основа сама по себе представля-

² Соображения, сформулированные в этом разделе, в огромной степени вдохновлены наблюдениями, обобщениями и анализом Е.Е. Романовой, изложенными в работе [Romanova 2006], которая, на наш взгляд, стала важнейшим достижением в анализе русского глагола в XXI веке и представляет собой работу настолько же выдающуюся, насколько и недооцененную.

ет собой имя такого отношения [Kratzer 2003]. Внешний аргумент не является элементом аргументной структуры основы [Kratzer 1996].

Вслед за Е.Е. Романовой [Romanova 2006] и многими другими авторами мы придерживаемся гипотезы о том, что собственную аргументную структуру имеют не только основы, но и префиксы. С опорой на эту гипотезу характер взаимодействия актантных структур префикса и основы можно предсказать, манипулируя значениями двух параметров в (8):

- (8) **Параметры варьирования актантной структуры префикса**
- a. Количество аргументов: {1, 2}
 - b. Идентичность аргумента префикса внутреннему аргументу основы: {да, нет}

Параметр (8a) выделяет среди префиксов одновалентные и двухвалентные³. Принадлежность к этим типам определяется количеством участников результирующего состояния, которое описывает префикс, в соответствии с (9):

- (9) **Валентности префикса**
- a. Одновалентные префиксы: результирующие состояния с единственным участником, носителем состояния.
 - b. Двухвалентные префиксы: результирующие состояния, соответствующие отношению между двумя сущностями, фигурой и фоном.

Мы используем простейшую эвристику для различения двухвалентных и одновалентных глаголов. Как двухвалентные мы рассматриваем те префиксы, которые проецируют второй аргумент в синтаксисе. Если этого не происходит, префикс признается одновалентным. Примеры тех и других показаны в (10).

- (10) a. **Глаголы с одновалентными префиксами**
написать (письмо), *подписать* (договор), *записать* (лекцию)
- b. **Глаголы с двухвалентными префиксами**
приписать (несколько строк к письму), *выписать* (цитату из книги)

³ Параметр (8a) подчеркивает параллелизм структуры префиксов со структурой других классов естественных языковых предикатов, обладающих семантическими валентностями, в первую очередь глаголов и прилагательных. В этой связи возникает вопрос о том, как далеко простирается этот параллелизм. Возможны ли, например, трехвалентные префиксы, аналогичные глаголам изменения обладания типа 'дать' (кто, что, кому) или так называемым баллистическим глаголам типа 'бросать' (кто, что, куда)? Для ответа на этот вопрос релевантно следующее наблюдение: стативные предикаты естественного языка не более чем двухвалентны. Большее количество валентностей предполагает многокомпонентное устройство значения, где стативный предикат — лишь один из элементов. Например, 'Володя дал Наде мандат' = 'Володя сделал так, что [у Нади есть мандат]'.

Аргументная структура глаголов типа *приписать* (что к чему) и *выписать* (что откуда) содержит не только пациентивный актант, который реализуется как прямое дополнение. У них есть и дополнительный актант, выражаемый в (10b) предложной группой. Он задает источник (*выписать*) или конечную локализацию (*приписать*) пациенса: ‘цитата находится вне книги’ и ‘несколько строк находятся в письме’. Появлением этих актантов глаголы *приписать* и *выписать*, очевидно, обязаны префиксу: беспрефиксальный *писать* с такими актантными структурами не совместим, ср. *писать* {*несколько строк к письму / #цитату из книги}.

У глаголов в (10a) количество актантов после присоединения префикса не увеличивается, а значит, предполагать, что у префикса есть вторая валентность, нет эмпирических оснований.

В качестве теоретической альтернативы обобщению о варьировании в актантной структуре префикса (один актант vs. два актанта) в литературе циркулирует идея о том, что любые префиксы двухвалентны, но второй аргумент может оставаться имплицитным, см., в частности, [Babko-Malaya 1999; Biskup 2019]. При таком взгляде на вещи результирующее состояние всегда представляет собой отношение между фигурой и фоном. Например, результирующее состояние для *подписать* в таком случае — не ‘письмо подписано’, а ‘подпись (фигура) находится под письмом (фоном)’. Для *написать* надо будет предположить состояние ‘письмо (фигура) находится на носителе записи (например, на бумаге) (фоне)’ и так далее.

Ответ на вопрос о том, различаются ли эмпирические предсказания двух подходов, в конечном итоге зависит от наших представлений об имплицитных аргументах и их ожидаемом поведении (см., в частности, [Bhatt, Pancheva 2017; Landau 2010]).

3. Одновалентные префиксы

В этом разделе мы обсудим свойства одновалентных лексических префиксов и характер их взаимодействия с глагольной основой. Мы исходим из того, что семантическое описание префикса должно включать в себя минимум два компонента в (11):

(11) Минимальная семантика префикса

Минимальный семантический анализ префикса должен включать дескриптивные свойства состояния и задавать носителя этого состояния.

Сообразно (11), мы предлагаем, например, для префикса *под-* в глаголах типа *подписать* семантическое представление в (12):

(12) Семантика *под-* λx.λs. pod(x)(s)

Смысл (12) состоит в том, что отношение *pod* между индивидом *x* и состоянием *s* имеет место ровно в том случае, если *x* находится в состоянии ‘быть подписанным’. Это определяет и дескриптивные свойства состояния и состав актантов префикса — индивидный *x* и стативный *s*. Заполнение индивидной позиции создает предикат над состояниями, носителем которых выступает индивидный аргумент.

В этом месте, конечно, возникает один из основных вопросов, связанных с лексической семантикой префиксов: как объяснить, что *pod* описывает состояние ‘быть подписанным’ только в комбинации с основой *писа-*, тогда как например, в комбинации с основой *руби-* возникает дескрипция состояния ‘быть подрубленным’? Обсуждение возможных механизмов, вычисляющих эти дескриптивные свойства, см. в [Tatevosov 2024]. В разделах 4–5 мы полностью выносим этот сюжет за скобки, принимая минималистичное (но, как кажется, эмпирически адекватное) допущение: благодаря этим механизмам, каковы бы они ни были, дескриптивные свойства состояния каждый раз известны.

Следующий вопрос — как индивидный аргумент префикса соотносится с внутренним аргументом глагольной основы. Это параметр (8b), выделяющий две основополагающие возможности:

- (13) **Актантная структура префикса и актантная структура основы**
- a. (Внутренний) аргумент основы совпадает с аргументом префикса
 - b. (Внутренний) аргумент основы не совпадает с аргументом префикса

С содержательной стороны различие между (13a) и (13b) определяется тем, вступает ли в результирующее состояние та же сущность, которая участвует в динамической части сложного события, или какая-то другая сущность. В *написать письмо* письмо участвует в ситуации написания и входит в результирующее состояние ‘быть написанным’. Письмо — это и объект писания, т. е. внутренний аргумент основы *писа-*, и носитель результирующего состояния. В *подписать договор* носитель состояния и пациенс писания — разные сущности: договор входит в состояние ‘быть подписанным’, но не подвергается написанию; написанию подвергается подпись, которая не является актантом производного глагола.

Мы будем называть глаголы, похожие на *написать*, которые относятся к типу (13a), **глаголами с общим актантом** (префикса и основы). Такие глаголы, как *подписать*, у которых актанты префикса и основы различны, (13b), будут обозначены как **глаголы с префиксальным актантом**.

Определить принадлежность префиксального глагола к одному из этих типов можно с помощью простой эвристики, опирающейся на отношение асимметричного логического следования между предложениями с беспрефиксальным и префиксальным глаголами.

Если верно, что X написал письмо, верно и то, что в некоторый момент X писал письмо, и то же можно сказать о других глаголах с общим актантом. Для глаголов с префиксальным актантом это не так: если X подписал письмо, из этого не вытекает, что в некоторый момент X писал письмо:

(14) Отношения логического следования

- a. X написал письмо \rightarrow (в некоторый момент) X писал письмо
- b. X подписал письмо \nrightarrow (в некоторый момент) X писал письмо

Согласно (14a), любое событие, которое ведет письмо в состояние ‘быть написанным’, — это событие, в котором письмо пишется. Напротив, не всякое событие, приводящее к появлению под письмом подписи, — это событие, в котором письмо пишется; чтобы подписать письмо, не требуется писать письмо, (14b).

В литературе существует консенсус по поводу следующего описательного обобщения о взаимодействии аргументных структур префикса и основы: если внутренний аргумент основы и аргумент префикса различаются, первый получает экзистенциальную интерпретацию, второй синтаксически реализуется в качестве дополнения [Babko-Malaya 1999; Romanova 2006; Gehrke 2008; Author 2015; Biskup 2019]. Таким образом, обсуждавшиеся еще классиками русской аспектологии случаи, когда префиксация приводит к изменению модели управления глагола (см., например, [Карцевский 2004: 110–114]), — это замена актанта глагола актантом префикса.

Теория лексической префиксации должна ответить по меньшей мере на два вопроса о глаголах с префиксальным актантом. Во-первых, как интегрируется в общую структуру проекция префикса — предикат, обозначающий состояния. Во-вторых, что происходит с внутренним (= субкатегоризованным) аргументом основы.

При рассмотрении этих вопросов становится существенным параллелизм префиксальных конфигураций, обсуждаемых в этой статье, и результативных конструкций в языках типа английского или немецкого. Последние иллюстрируются в (15a-c):

(15) Результативные конструкции в германских языках

- a. They drank the pub dry [Levin, Rappaport Hovav 2001].
- b. Er hat seine Familie magenkrank gekocht [Kratzer 2005].
- c. John sang the baby asleep [Rothstein 2004].

(15a-c) отличаются от русских префиксальных глаголов тем, что внедрение в структуру результирующего состояния и его дескрипции обеспечивается не префиксом, а адъективом — соответственно *dry, magenkrank, asleep*. В прочих отношениях структура и интерпретация (15) существенно не отличается от лексически префиксальной. В частности, у всех результитивов в (15) актант приносится дескрипцией результирующего состояния. Прямым дополнением становятся его носители *the pub, seine Familie, the baby*, которые возникают благодаря адъективу и не являются актантами основы, ср. аномальность предложений в (16a-c):

(16) **Результитивные конструкции в германских языках**

- a. ^{??}They drank the pub.
- b. ^{??}Er hat seine Familie gekocht.
- c. ^{??}John sang the baby.

Соответственно, можно ожидать, что эмпирические обобщения и возможности теоретического анализа, предложенные для германских результитивов, распространяются и на славянские глаголы с лексическими префиксами.

Два основных ингредиента конструкции с лексическим префиксом, как и у результивной конструкции, — глагольная основа, повторяемая в (17), и предикат над состояниями в (18), который образуется после соединения префикса в (12) со своим актантом, носителем состояния.

(17) **Глагольная основа**

|| *nisa-* || = $\lambda x.\lambda e.$ write(x)(e)

(18) **Префикс со своим актантом**

|| *письмо под-* || = $\lambda s.$ pod(letter)(s)

Семантика конструкции после соединения компонентов в (17) и (18) известна. События, которые составляют часть денотата глагольной основы и состояния, описываемые проекцией префикса, так же, как и их результивные аналоги в (15), понимаются как связанные каузальным отношением. Состояние ‘быть подписанным’ у договора — **результат** деятельности, которая описывается как ‘писать’.

Соответственно, имеющиеся теории предполагают, что неотъемлемым этапом деривации выступает появление в структуре каузального отношения между состояниями и событиями. Вот возможный вариант реализации этой процедуры, предполагающий скрытую каузативизацию, или каузативный сдвиг (causative shift, CS):

(19) **Скрытая каузативизация**

- a. $\| \text{CS} \| = \lambda P. \lambda s. \lambda e. P(s) \wedge \text{cause}(s)(e)$
- b. $\| \text{CS} [\text{письмо под-}] \| = \lambda s. \lambda e. \text{pod}(\text{letter})(s) \wedge \text{cause}(s)(e)$

Скрытая каузативизация в (19a) — операция, которая обеспечивает соединение событийного и стативного компонентов сложной дескрипции. Она применяется к стативному предикату в (18) и создает отношение между событиями и состояниями в (19b), где те и другие связаны каузальным отношением.

В том или ином виде такая операция неизбежна при деривации как резульативной конструкции, так и префиксальной конфигурации. Однако частные ее воплощения, обсуждаемые в литературе, существенно варьируют. Можно выделить две основные линии анализа. Во-первых, скрытая каузативизация понимается как **часть правила композиции**, соединяющего глагольную основу и стативную составляющую. Эта линия прослеживается, в частности, в [Rappaport Hovav, Levin 2001; Rothstein 2004; Gehrke 2008]. Отметим важную презумпцию, стоящую за таким подходом: соединение глагольной основы и резульативного компонента — очень специальная ситуация, которая не подвластна регулярным правилам семантической композиции (например, правилу применения функции к аргументу) и нуждается в особой композиционной процедуре.

Во-вторых, скрытую каузативизацию можно рассматривать как денотат **фонологически пустого грамматического элемента**. Эта идея представлена в [Kratzer 2005; Babko-Malaya 1999: 53; Biskup 2019, Ch. 3]. (19) устроена в этом же духе: проекция префикса соединяется с грамматическим элементом, имеющим регулярную каузативную семантику и использующим регулярное правило применения функции к аргументу. Семантика в (19) совместима более чем с одним синтаксическим анализом элемента CS и оставляет открытыми все возможности, обсуждающиеся в литературе. Решающих эмпирических аргументов в пользу одной из них нам не известно.

Второй существенный компонент анализа резульативных и префиксальных конфигураций — допущение о том, что происходит с индивидуальным аргументом основы в (17). Для этого случая можно предположить операцию экзистенциального закрытия, которая показана в (20a), а резульат ее применения к основе — в (20b).

(20) **Экзистенциальное закрытие**

- a. $\| \exists_x \| = \lambda R. \lambda e. \exists x [R(x)(e)]$
- b. $\| \exists_x \text{писа-} \| = \lambda e. \exists x [\text{write}(x)(e)]$

В соответствии с (20), основа в (17), которая обозначает отношение между индивидами и событиями, преобразуется в событийный

предикат. Это происходит посредством связывания переменной, соответствующей индивиду аргументу основы, квантором существования. Предикат в (20b) получает максимально широкую интерпретацию: в его экстенционал входят все события, в которых что-то написано. Поскольку связывание аргумента квантором делает его семантически неактивным, он теряет возможность получить синтаксическую реализацию, которая остается за аргументом префикса.

Анализ в таком же духе — с локальным экзистенциальным закрытием индивиду аргумента глагольной основы — можно найти в [Rothstein 2004] для результативных конструкций в английском языке, а также в [Babko-Malaya 1999: 53] для русских результативных лексических префиксов.

После того как с дескрипцией состояния происходит скрытая каузативизация в (19a), а основа подвергается экзистенциальному закрытию индивиду аргумента в (20a), образуются отношение между событиями и состояниями в (19b) и событийный предикат в (20b). Эти компоненты затем соединяются при помощи правила композиции, известного как идентификация событий [Kratzer 1996]:

$$(21) \quad \begin{array}{l} \parallel [\exists_x \text{ писа-}] [\text{CS} [\text{письмо под-}]] \parallel = \lambda s. \lambda e. \\ \exists x [\text{write}(x)(e) \wedge \text{pod}(\text{letter})(s) \wedge \text{cause}(s)(e)] \end{array}$$

С содержательной точки зрения идентификация событий состоит в том, что на событийный компонент отношения в (19b) накладывается дополнительное условие. А именно: события, составляющие этот компонент, должны удовлетворять предикату в (20b). В результате в (21) события, которые каузируют переход письма в состояние ‘быть подписанным’, идентифицируются с событиями, в которых нечто пишется.

По всей видимости, если теория предполагает, что у переходных глаголов лексически задан внутренний аргумент, его экзистенциальное закрытие едва ли не единственная возможность. В противном случае невозможно объяснить, почему он никогда синтаксически не реализуется. Поэтому в качестве альтернативы в литературе обсуждается только один вариант анализа: такой, когда у основы вовсе нет внутреннего аргумента и она обозначает событийный предикат. В таком духе выстроен анализ А. Кратцер [Kratzer 2005] для германских результативов и П. Бискупа [Biskup 2019] для славянских лексических префиксов.

Оба варианта анализа — с экзистенциальным закрытием и полным отсоединением внутреннего аргумента от основы — не лишены уязвимостей. Последний делает труднообъяснимыми селективные ограничения, которые глаголы регулярно накладывают на прямое

дополнение и другие семантические асимметрии между внутренним и внешним аргументами (см., например, [Kratzer 2003]). Кроме того, в такой теории в значительной степени стирается различие между переходными глаголами и неэргативами, поскольку и те и другие представляют собой лишённые индивидуальных аргументов событийные предикаты. Эмпирические потери, которые могут из этого последовать, кажутся весьма существенными.

Теории, опирающиеся на экзистенциальное закрытие, не сталкиваются с явными эмпирическими проблемами. На них, однако, ложится бремя объяснения того, что делает эту процедуру необходимым элементом деривации. В отсутствие независимого обоснования она начинает выглядеть теоретически проблематичной, но в рамках этой статьи нет возможности обсуждать пути решения проблемы.

Описанный выше семантический сценарий тривиальным образом распространяется на неэргативные глаголы, у которых при лексической префиксации создается внутренний аргумент, отсутствующий у исходной основы. Это случай типа *работать* — *заработать деньги*. Деривация *заработать* показана в (22):

(22) **Деривация *заработать деньги***

- a. $\| \text{ работа-} \| = \lambda e. \text{work}(e)$
- b. $\| \text{ за-} \| = \lambda x. \lambda s. \text{za}(x)(s)$
- c. $\| \text{ деньги за-} \| = \lambda s. \text{za}(\text{money})(s)$
- d. $\| \text{CS [деньги за-]} \| = \lambda s. \lambda e. \text{za}(\text{money})(s) \wedge \text{cause}(s)(e)$
- e. $\| \text{ [работа-] [CS [деньги за-]]} \| = \lambda s. \lambda e. [\text{work}(e) \wedge \text{za}(\text{money})(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$

Этот случай отличается от предыдущего отсутствием индивидуального актанта у глагольной основы, что избавляет от необходимости проводить его экзистенциальное закрытие; основа соединяется с проекцией префикса непосредственно. Все прочие шаги устроены так же, как для *подписать*. В результате образуется (22e), отношение между событиями работы и состояниями ‘быть заработанным’, в которые вступают деньги.

Рассмотрим глаголы с общим актантом. Для них открывается две возможности в (23). Первая состоит в том, что актанта префикса, как и предполагает название, идентичен актанту основы. Это показано в (23a). Вторая опирается на более сильное допущение: событийная структура всех глаголов с лексическими префиксами устроена одинаково, а значит, актанта основы подвергается экзистенциальному закрытию не только у глаголов с префиксальным актантом, но и у глаголов с общим актантом. Этот вариант представлен в (23b).

(23) **Возможности анализа глаголов с общим актантом**

- a. Общая переменная у событийного и стативного компонентов;
 $\| [_{VP} \text{ написа- письмо }] \| = \lambda s. \lambda e. \text{ write(letter)(e) } \wedge \text{ na(letter)(s) } \wedge \text{ cause(s)(e)}$;
'письмо подвергается написанию и входит в состояние 'быть написанным'.
- b. Такая же структура, как у глаголов с префиксальным актантом;
 $\| [_{VP} \text{ написа- письмо }] \| = \lambda s. \lambda e. \exists x [\text{ write(x)(e) } \wedge \text{ na(letter)(s) } \wedge \text{ cause(s)(e)}]$;
'есть такая сущность, которая подвергается написанию, и в результате письмо входит в состояние 'быть написанным'.

Успех теории в духе (23a) зависит от допущений, которые она должна принять по поводу синтаксической структуры и семантической композиции. Основная проблема, которую надо решить, состоит в том, что основа и префикс — две независимые лексические единицы. Чтобы отождествить их актанты, требуется специальная операция, и теория должна прояснять характер этой операции. Можно, например, допустить, что идентичность актантов обеспечивается передвижением именной группы из одной позиции в другую, как в [Ramchand 2008] (см. также [Svenonius 2016]), а все конечные позиции интерпретируются как переменные, которые связываются из конечной позиции. Тогда (23a) деривируется без серьезных затруднений; его структура показана в (24):

(24) **Деривация через передвижение и связывание**

[... письмо λ_1 ... [t_1 писа- [t_1 на-]]]

Альтернатива в (23b) предполагает, что прямое дополнение префиксального глагола с общим актантом — аргумент только префикса. Анализ в этом духе можно найти, в частности, в [Romanova 2006; Biskup 2019].

(23b) привлекателен тем, что сводит все конфигурации с одновалентными лексическими префиксами к общему анализу, однако он страдает от очевидной уязвимости. (23b) предсказывает семантику 'есть такой объект, который подвергся написанию и в результате письмо вошло в состояние 'быть написанным'', но ничто не гарантирует, что подвергшаяся написанию сущность — это письмо. Глагол *написать* должен быть совместим с ситуацией, когда письмо вступает в состояние 'быть написанным' в результате написания, например, оперы. Это слишком слабая семантика.

Возможно, впрочем, что идентичность актантов при анализе в (23b) следует из дескриптивных свойств состояния и знаний о мире, в частности знаний о каузальных зависимостях между событиями и состояниями. Префикс обозначает состояния 'быть написанным',

в которых находится письмо. Они каузированы событиями, в которых что-то пишется. Однако из всех событий, в которых что-то пишется, в состояние 'письмо написано' ведут только те, где подвергающийся написанию объект — письмо. Другие события попросту не входят в экстенционал каузального отношения в нашем мире и мирах, устроенных как наш.

Если это так, анализ в (23b) перестает выглядеть эмпирически неадекватным, и на первый план выходит его главное преимущество: возможность единообразно анализировать все глаголы с лексическими префиксами.

4. Двухвалентные префиксы

Как мы видели выше, определяющее свойство глаголов с двухвалентными префиксами — появление дополнительного актанта, отсутствующего в беспрефиксальных конфигурациях:

- (25) а. *Володя вписал дополнительное условие в договор.*
б. *??Володя писал дополнительное условие в договор*⁴.

Симметричный паттерн иллюстрируется в (26):

- (26) а. *Володя тащил рюкзак (в комнату).*
б. *Володя затащил рюкзак ?? (в комнату).*

В (26a) предложная группа *в комнату* факультативна и имеет, по-видимому, статус обстоятельства — направительного адъюнкта. В (26b) указание на конечную точку перемещения понимается как необходимый компонент значения предложения, и та же самая предложная группа получает статус актанта. Если фонологически выраженная предложная группа отсутствует, локализация рюкзака по завершении ситуации должна быть ясна из контекста, что заставляет предположить в таких случаях нулевой анафорический элемент. Одна из возможностей показана в (27), где он обозначен как *pro*, а идентичность числового индекса указывает на кореферентность.

- (27) *Все вошли в комнату₅ и расселись, а затем Володя затащил рюкзак pro₅.*
'...затащил рюкзак в эту комнату || ?? в любое другое место'

И дополнительный актант в (25) и обязательность актанта в (26) — следствие того, что результирующее состояние имеет более сложную структуру, чем у глаголов с одновалентными префиксами. В (25a) события написания вызывают состояние 'условие (находится) в до-

⁴ Снижение приемлемости (25b) происходит именно благодаря предложной группе *в договор*, а не потому, что лексическая сочетаемость *писать* не включает *условие*. Хотя *условие* — не самое частотное дополнение при глаголе *писать*, в корпусах соответствующие примеры представлены в значительных количествах.

говоре', а в (25b) события перетаскивания — результирующее состояние 'рюкзак находится в комнате'.

У двухвалентных префиксов есть важное общее свойство: они имеют значительно большее дескриптивное содержание, чем одновалентные. Такие префиксы неизменно задают **пространственное отношение** между двумя сущностями — фигурой и фоном. В (25)–(26) фигура, перемещение и локализация которой выступает основным содержанием сообщения, — это 'дополнительное условие' и 'рюкзак'. Фон, объект по отношению к которому задаются пространственные характеристики фигуры, — 'договор' и 'комната'. Обобщения такого типа независимым образом сделаны в нескольких работах, в частности в [Svenonius 2004, 2008; Romanova 2006; Gehrke 2008; Biskup 2019]⁵.

Эта особенность двухвалентных префиксов препятствует механическому распространению на них анализа для одновалентного случая. Вариант такого анализа показан в (28):

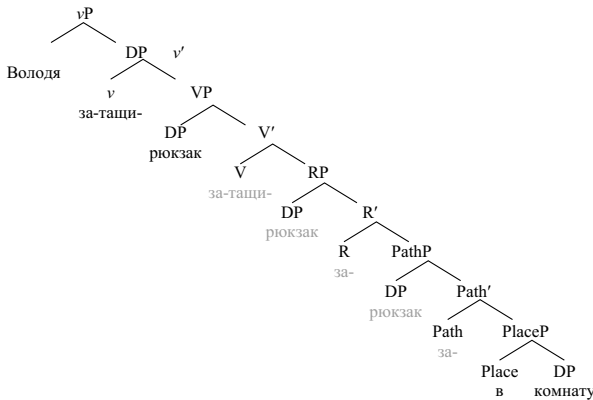
(28) **Проекция двухвалентного префикса**

$||$ [условие [в- [в договор]]] $||$ = $\lambda s.v(\text{agreement})(\text{condition})(s)$

(28) обозначает состояния s , в которых условие и договор находятся ровно в том случае, если второй располагается внутри первого.

Однако для двухвалентных префиксов нужна структура, отражающая интерпретацию всех компонентов пространственной конфигурации. (29), где воспроизводятся основные идеи анализа Е.Е. Романовой, иллюстрирует такую структуру для (26).

(29)

⁵ Двухвалентные префиксы можно рассматривать как аналоги двухвалентных глаголов. И те и другие описывают отношения, в которые вступают два индивида. Естественно говорить о том, что один из аргументов двухвалентного префикса — внутренний, а другой — внешний. В (29), в частности, группа PlaceP — компонент префикса, то есть внутренний аргумент.

В (29) вершина R соединяется с составляющей $PathP$, реализующей пространственно-направительную семантику. $PathP$ можно понимать как результат декомпозиции классического элемента P , «предлога» (см. [Asbury et al. 2007; Gehrke 2008; Svenonius 2010]). Нижний элемент, помеченный как $PlaceP$, обозначает локализацию относительно фигуры ‘комната’, в первом приближении — ‘внутри комнаты’. Верхний элемент, $PathP$, обозначает путь, который продельвается по отношению к локализации, обозначенной составляющей $PlaceP$. Во многих языках такая структура имеет более прозрачную морфологическую реализацию, чем в русском; достаточно вспомнить системы пространственных форм в дагестанских языках (см., например, [Кибрик 2003]).

Роль префикса *за-* в (29), согласно теории Е.Е. Романовой, состоит в том, чтобы обеспечить реализацию вершины $Path$. В этом качестве *за-* обозначает путь, соединяющий исходную позицию фигуры и локализацию $PlaceP$. Возникая в структуре в позиции $Path$, префикс затем последовательно перемещается в R и V , где соединяется с глагольной основой.

Семантическая функция вершины R в таком случае — подавать пространственную конфигурацию как состояние. В качестве аргумента R принимает Q , отношение между индивидами и путями, и возвращает отношение между индивидами и состояниями. Любое состояние, вводящее в экстенционал R , заключается в том, чтобы находиться в конечной точке некоторого пути из экстенционала Q .

(30) Семантика результативного элемента

$$\| R \| = \lambda Q_{\langle e, \langle \pi, t \rangle \rangle} . \lambda x . \lambda s . \exists p [s = \text{loc}(x)(\text{goal}(p)) \wedge Q(p)]$$

где π — логический тип путей

Предикат Q , к которому $\| R \|$ в (30) применяется как к аргументу, выступает денотатом $PathP$, компонента R . Опираясь на [Татевосов 2019] и опуская промежуточные шаги деривации, семантику глагольной группы можно представить как (31):

(31) Глагольная группа с двухвалентным префиксом

$$\| [\text{затащи- рюкзак в комнату}] \| = \lambda s . \lambda e . \exists p \exists x [\text{pull}(x)(e) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge s = \text{loc}(\text{bag})(\text{goal}(p)) \wedge \exists l \exists l' [\text{source}(l')(p) \wedge \text{goal}(l)(p) \wedge \text{move}(\text{bag})(p) \wedge \text{inside}(\text{room})(l)]]$$

Глагольная группа *затащи- рюкзак в комнату* обозначает отношение между состояниями s и событиями e такими, что e — это событие, в котором осуществляется перетаскивание (“pull”), а s — состояние, вызываемое к жизни событием e . Состояние s заключается в том, что рюкзак локализован (“loc”) в конечной точке (“goal”) пути p ; p представляет собой путь с некоторой исходной (“source”)

локализацией l' . Конечная локализация l (“goal”) — внутри комнаты (“inside(room)(l)”) ⁶. Путь p вступает с пациентом в отношение ‘перемещаться по’ (“move”). Отношение *move* можно определить через общеинкрементальное прирастание пройденной части пути, см. необходимые для этого определения в [Krifka 1998].

Одновалентные и двухвалентные структуры в (6) и (29) имеют по крайней мере одно принципиальное различие и одно не менее принципиальное сходство. Различаются они функцией префикса. В (6) он вводит результирующее состояние, в (29) — реализует грамматический элемент с директивной семантикой.

Обе структуры объединяет наличие синтаксической вершины R и стативного аргумента в семантическом представлении. Одновалентный префикс вводит результирующее состояние непосредственно. В (29), как мы предполагаем вслед за Е.Е. Романовой, вершина R с ее семантикой, создающей дескрипцию состояний, опосредует $PathP$, обозначающий пути, и глагольную вершину V , обозначающую события. А именно: она определяет локализацию в конечной точке пути как результирующее состояние события.

Если анализ, изложенный выше, верен, возникает следующая общая картина. Все глаголы и глагольные группы с лексическими префиксами содержат в себе результирующее состояние. Однако грамматическая функция одновалентных и двухвалентных префиксов не полностью идентичны. Двухвалентные префиксы встраиваются в пространственную конфигурацию, описывающую расположение и перемещение фигуры по отношению к фону. Эта конфигурация формирует дескрипцию результирующего состояния. Одновалентные префиксы имеют более абстрактную семантику: они непосредственно обозначают отношение между результирующим состоянием и его носителем.

Несмотря на кажущуюся необычность такого подхода к анализу префиксов, в действительности он вполне соответствует традиционным представлениям о них как о продуктах грамматикализации показателей, обозначающих ориентацию и перемещение в пространстве. Присоединение в позиции $Path$ и в позиции R — это разные ступени грамматикализации. Их семантические корреляты — утрата пространственного значения и сопутствующий ей переход от дескрипции отношения между двумя сущностями к дескрипции состояния единственной сущности. Переход сопровождается трансформацией двухвалентной актантажной структуры в одновалентную.

⁶ Ср. анализ префикса *пере-*, предложенный М.А. Кронгаузом [Кронгауз 1998], и недавние идеи О. Каган в [Kagan 2015] по поводу этого же префикса.

5. Сумма наблюдений

Изложенные выше наблюдения, как кажется, дают более или менее ясную картину того, как устроена лексическая префиксация в русском языке. Она описывается следующими пятью обобщениями:

1. Глаголы и глагольные группы всегда содержат в своем семантическом представлении результирующее состояние, которое реализуется с помощью префикса.

2. Префиксы имеют собственную актантную структуру и подразделяются на одновалентные и двухвалентные.

3. Их соединение с глагольной основной подчиняется регулярным правилам семантической композиции. Дополнительно могут задействоваться семантические операции из очень ограниченного репертуара, в частности каузативный сдвиг или экзистенциальное закрытие.

4. Одновалентные префиксы обозначают результирующее состояние непосредственно.

5. Двухвалентные префиксы имеют пространственно-направительную интерпретацию и описывают отношение между фигурой и фоном. Это отношение далее интерпретируется как результирующее состояние.

Завершая статью, мы хотели бы с благодарностью процитировать рецензента «Вестника Московского университета», наметившего несколько сюжетов для дальнейшего обсуждения. Это соотношение предложенного выше анализа префиксальных глаголов, во-первых, с «их описанием с позиций функциональной грамматики в части категории аспектуальности», во-вторых, с «их трактовкой в теории Генеративного Лексикона Дж. Пустейовского, в частности, в связи с механизмами преобразования типа, выборочного связывания и ко-композиции» и, в-третьих, с «корреляцией значений префикса и предлога (или зависимой предложной конструкции) в составе глагольной группы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. Том 2. М., 2004.
2. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
3. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
4. Татевосов С.Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е. Рахилина, С.Г. Татевосов. М., 2009. С. 92–156.
5. Татевосов С.Г. Множественная префиксация и ее следствия // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 42–89.
6. Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. М., 2015.
7. Татевосов С.Г. Глагольные классы и типология акциональности. М., 2016.

8. *Asbury A., Gehrke B., Hegedűs V.* 2007. One Size Fits All: Prefixes, Particles, Adpositions and Cases as Members of the Category P // *UiL OTS Yearbook 2006* / Keskin C. (ed.). Utrecht, 2007. P. 1–17.
9. *Babko-Malaya O.* Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case. Doctoral dissertation. Rutgers University, 1999.
10. *Bhatt R., Pancheva R.* Implicit Arguments // *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*. Second Edition / Everaert M., van Riemsdijk H (eds.) Oxford, 2017. P. 1–35.
11. *Biskup P.* Prepositions, Case and Verbal Prefixes: The case of Slavic. John Benjamins, 2019.
12. *Davidson D.* The Logical Form of Action Sentences // *The Logic of Decision and Action* / Rescher N (ed.) University of Pittsburg Press, 1967. P. 81–95.
13. *Gehrke B.* Ps in Motion: On the Semantics and Syntax of P Elements and Motion Events. PhD Dissertation. Utrecht University, 2008.
14. *Kagan O.* Scularity in the Verbal Domain: The Case of Verbal Prefixation in Russian. Cambridge University Press, 2015.
15. *Kratzer A.* Severing the External Argument from Its Verb // *Phrase Structure and the Lexicon* / Rooryck J., Zaring L. (eds.). Kluwer, 1996. P. 109–137.
16. *Kratzer A.* Building Resultatives // *Event Arguments in Syntax, Semantics, and Discourse* / Maienbaum C., Wollstein-Leisen A. (eds). Tübingen, 2005.
17. *Kratzer A.* The Event Argument and the Semantics of Verbs. Ms. UMass-Amherst, 2003.
18. *Krifka M.* The Origins of Telicity // *Events and Grammar* / Rothstein S. (ed.). Kluwer, 1998. P. 197–235.
19. *Landau I.* The Explicit Syntax of Implicit Arguments // *Linguistic Inquiry*. 2010. № 41. P. 357–388.
20. *Parsons T.* Events in the Semantics of English: A Study of Subatomic Semantics. MIT Press, 1990.
21. *Ramchand G.* Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax. Cambridge, 2008.
22. *Rappaport Hovav M., Beth Levin B.* An Event Structure Account of English Resultatives // *Language*. 2001. № 77. P. 766–797.
23. *Romanova E.* Constructing Perfectivity in Russian. PhD Dissertation. University of Tromsø, 2006.
24. *Rothstein S.* Structuring Events: A Study in the Semantics of Lexical Aspect. Blackwell, 2004.
25. *Svenonius P.* Slavic Prefixes Inside and Outside VP // *Nordlyd*. Special issue on Slavic prefixes. 2004. № 32 (2). P. 323–361. [Www.ub.uit.no/munin/nordlyd](http://www.ub.uit.no/munin/nordlyd).
26. *Svenonius P.* Russian Prefixes are Phrasal // *Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages 5* / Zybatow G., Szucsich L., Junghanns U., Meyer R. (eds.). Peter Lang, 2008. P. 526–537.
27. *Svenonius P.* Spatial P in English // *Mapping spatial PPs: The Cartography of Syntactic Structures*. Vol. 6 / Cinque G., Rizzi L. (eds.). Oxford University Press, 2010. P. 127–160.
28. *Svenonius P.* Complex Predicates as Complementation Structures // *Approaches to Complex Predicates* / Nash L., Samvelian P. (eds.). Brill, 2016. P. 212–247.
29. *Tatevosov S.* Event Structure and Derivational Morphology. A Few Reflections on the System of Russian. Ms, 2024.

REFERENCES

1. Kartsevskii S.I. *Iz lingvisticheskogo nasledia* [From Linguistic Legacy]. Vol. 2. Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2004. (In Russ.)

2. Kibrik A.E. *Konstanty i peremennye iazyka* [Constants and Variables of the Language]. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2003. (In Russ.)
3. Krongauz M.A. *Pristavki i glagoly v russkom iazyke: semanticheskaja grammatika* [Prefixes and Verbs in Russian: Semantic Grammar]. Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 1998. (In Russ.)
4. Tatevosov S.G. Mnozhestvennaia prefiksatsiia i anatomiiia russkogo glagola [Multiple Prefixation and the Anatomy of the Russian Verb]. In *Korpusnye issledovaniia po russkoi grammatike* [Corpus Studies in Russian Grammar]. Ed. by K.L. Kiseleva, V.A. Plungian, E. Rakhilina, S.G. Tatevosov. Moscow, Probel Publ., 2009. P. 92–156. (In Russ.)
5. Tatevosov S.G. Mnozhestvennaia prefiksatsiia i ee sledstviia [Multiple Prefixation and Its Consequences]. In *Voprosy iazykoznanii*, 2013, no. 3. P. 42–89. (In Russ.)
6. Tatevosov S.G. *Aktsional'nost' v leksike i grammatike* [Actionalism in Lexicon and Grammar]. Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2015. (In Russ.)
7. Tatevosov S.G. *Glagol'nye klassy i tipologiia aktsional'nosti* [Verb Classes and Typology of Actionality]. Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2016. (In Russ.)
8. Asbury A., Gehrke B., Hegedűs V. One Size Fits All: Prefixes, Particles, Adpositions and Cases as Members of the Category P. In *Uil OTS Yearbook 2006* / Keskin C. (ed.). Utrecht, 2007. P. 1–17.
9. Babko-Malaya O. *Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case*. Doctoral dissertation. Rutgers University, 1999.
10. Bhatt R., Pancheva R. Implicit Arguments. In *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*. Second Edition / Everaert M., van Riemsdijk H (eds.) Oxford, 2017. P. 1–35.
11. Biskup P. *Prepositions, Case and Verbal Prefixes: The Case of Slavic*. John Benjamins, 2019.
12. Davidson D. The Logical Form of Action Sentences. In *The Logic of Decision and Action* / Rescher N (ed.) University of Pittsburg Press, 1967. P. 81–95.
13. Gehrke B. *Ps in Motion: On the Semantics and Syntax of P Elements and Motion Events*. PhD Dissertation. Utrecht University, 2008.
14. Kagan O. *Scalarity in the Verbal Domain: The Case of Verbal Prefixation in Russian*. Cambridge University Press, 2015.
15. Kratzer A. Severing the External Argument from Its Verb. In *Phrase Structure and the Lexicon* / Rooryck J., Zaring L. (eds.). Kluwer, 1996. P. 109–137.
16. Kratzer A. Building Resultatives. In *Event Arguments in Syntax, Semantics, and Discourse* / Maienbaum C., Wollstein-Leisen A. (eds). Tübingen, 2005.
17. Kratzer A. *The Event Argument and the Semantics of Verbs*. Ms. UMass-Amherst, 2003.
18. Krifka M. The Origins of Telicity. In *Events and Grammar* / Rothstein S. (ed.). Kluwer, 1998. P. 197–235.
19. Landau I. The Explicit Syntax of Implicit Arguments. In *Linguistic Inquiry*, 2010, no. 41. P. 357–388.
20. Parsons T. *Events in the Semantics of English: A Study of Subatomic Semantics*. MIT Press, 1990.
21. Ramchand G. *Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax*. Cambridge, 2008.
22. Rappaport Hovav M., Beth Levin B. An Event Structure Account of English Resultatives. In *Language*, 2001, no. 77. P. 766–797.
23. Romanova E. *Constructing Perfectivity in Russian*. PhD Dissertation. University of Tromsø, 2006.
24. Rothstein S. *Structuring Events: A Study in the Semantics of Lexical Aspect*. Blackwell, 2004.

25. Svenonius P. Slavic Prefixes Inside and Outside VP. In *Nordlyd. Special Issue on Slavic Prefixes*, 2004, no. 32 (2). P. 323–361. [Www.ub.uit.no/munin/nordlyd](http://www.ub.uit.no/munin/nordlyd).
26. Svenonius P. Russian Prefixes are Phrasal. In *Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages 5* / Zybatow G., Szucsich L., Junghanns U., Meyer R. (eds.). Peter Lang, 2008. P. 526–537.
27. Svenonius P. Spatial P in English. In *Mapping spatial PPs: The Cartography of Syntactic Structures*. Vol. 6 / Cinque G., Rizzi L. (eds.). Oxford University Press, 2010. P. 127–160.
28. Svenonius P. Complex Predicates as Complementation Structures. In *Approaches to Complex Predicates* / Nash L., Samvelian P. (eds.). Brill, 2016. P. 212–247.
29. Tatevosov S. *Event Structure and Derivational Morphology. A Few Reflections on the System of Russian*. Ms, 2024.

Поступила в редакцию 02.04.2024

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 21.06.2024

Received 02.04.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 21.05.2024

ОБ АВТОРЕ

Tatevosov Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tatevosov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Sergei Tatevosov — Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tatevosov@gmail.com